

загадвалася ўсім губернатарам пакінуць свае пасады. Іх абавязкі часова ўскладаліся на прадстаўнікоў губернскіх земскіх упраў, якія атрымалі назву «губернскіх камісараў Часовага ўрада» [8, с. 422]. Не маючы рычагоў супраціву, начальнікі губерняў вымушаны былі здаць пасты.

Такім чынам, пад час першай сусветнай вайны ў Мінскай губерні змянілася тры губернатары. Яны падпарадкоўваліся акрамя міністра ўнутраных спраў ваенным начальнікам, прычым кантакты з апошнімі мелі больш істотнае значэнне. Начальнікі губерняў у сваім кіраванні выкарыстоўвалі надзвычайныя паўнамоцтвы вайскоўцаў. Губернатар выступаў ключавым звяном у ажыццяўленні зносін паміж ваенным начальствам і грамадзянскім насельніцтвам.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. документов / сост. В.В. Врублевский [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2014. – 356 с.
2. Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Саврем. шк.: Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2007. – 519 с.
4. Друцкой-Соколинский, В.А., князь. На службе Отечеству. Записки рус. губернатора (1914–1918 гг.) / В.А. Друцкой-Соколинский; сост. А.В. Воробьев; ред. А.В. Богданчиков. – Орел: РКФ «3 июля»; РИГ «Невероятный мир», 1994. – 405 с., 2 л. ил.
5. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793–1917): биографический справочник / сост. Ю.Н. Снапковский; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2016. – 398 с., [2] л.: ил.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 22. Воп. 1. Спр. 1286. Приказы Главнокомандующего Западным фронтом; обязательные постановления командующих армиями для населения, циркуляры МВД, МТП, Главного управления сельского хозяйства, минского губернатора об учете сырья и продовольствия, установлении такс на продукты питания, учете и запрещении вывоза перевозочных средств и др. 02.01.1916–13.01.1917.
7. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 530. Дело о службе Минского вице-губернатора коллежского советника Н.А. Астафьева. 17.03.1915–14.01.1917.
8. Революционное движение в России после свержения самодержавия / редкол.: Л.С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – XXIV, 857 с. – (Великая Октябрьская соц. революция. Документы и материалы / редкол.: А.Л. Сидоров (пред.) [и др.] / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Глав. архивное упр. СССР).

Малиновская Эмма Леонидовна

Музей истории Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БССР В 1920-1930-х гг.

Одним из масштабных методов формирования интеллигенции БССР выступал комплекс мероприятий репрессивной политики советского государства. Она имела огромные социально-психологические последствия, как в 1930-е гг., так и в последующем времени. Посредством данной политики была осуществлена унификация и стандартизация

интеллектуального поля и его носителей, осуществлена попытка замены интеллигенции на «интеллигенцию в первом поколении» для утверждения советизации всего общества. Положение о «интеллигенции в первом поколении» было выдвинуто российским исследователем С. Волковым [10]. Тезис «интеллигенция в первом поколении» впоследствии значительно нивелировал преемственность в передаче идентификационных кодов, национального самосознания, сформировал травмирующий опыт, что влияло на становление личности и характер ее деятельности. Концепцию травмы и релевантности социальных изменений обосновывал П. Штомпка, который писал: «если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых; ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение» [25, с. 11]. Данная идея транслировалась в исследованиях белорусского ученого Е.К. Новика, когда он говорил о существовавшей системе доносов, сплетнях, карьеризме многих деятелей культуры.

Усвоенный травмирующий опыт, согласно Б. Гизену, влиял на всех членов общества «даже если они не принимали непосредственного участия в событиях и не были их свидетелями, травма сохраняется и у них, поскольку их идентичность строится внутри данного сообщества. И то, каким образом они справляются с ней, формирует их идентичность» [24, с. 115]. Эту идею разделял Дж. Александер [2, с. 6]. А.Г. Кохановский констатировал высокую степень утраты физической и духовной связи между разными поколениями интеллигенции, что влияло на непрерывность, преемственность в становлении и развитии данной группы [14, с. 9]. Формирование новой советской интеллигенции БССР на основе методов репрессивной политики создало эффект культурной травмы и репрезентировало новую систему интерпретаций и смыслов. Закрепление внедрения официальной идеологии было выражено в опубликованном в 1938 г. учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» [12]. Разработанная под руководством И.В. Сталина парадигма развития исторического процесса глубинно повлияла на основы советского общества. Репрессии, как форма корреляции и модификации социума, вызвала необходимость пересмотра сроков подготовки специалистов ввиду нехватки кадров. На педфаке БГУ, рабфаках, техникумах и профессиональных школах шел процесс сокращения срока подготовки специалистов. Качество подготовки при максимально сжатых сроках резко падало [5, с. 22].

В современных белорусских исследованиях проблематика репрессивной политики как метода формирования интеллигенции нашла свое отражение. С. Богдан утверждал, что в 1930-е гг. репрессии против национальной интеллигенции сделали белорусскую идентичность «более адаптированной к единой общесоюзной идентичности, направленной на создание «советского народа» [6, с. 106]. При этом поддерживалось существование титульной белорусской нации, и не ставилась задача уничтожения культурной идентичности белорусов. Исследователь Р.П. Платонов отмечал, что руководство КП(б)Б опасалось белорусской интеллигенции, происходившей из села и тесно связанной с крестьянством. Интеллигенция может взять на себя задачу возрождения национальной культуры и подменить социально-классовое содержание белорусизации национальным, ее интернационалистическую сторону –

националистической. «Чтобы не допустить такого развития событий в противовес призыву к национальному возрождению, идущего от интеллигенции, был выставлен лозунг социалистического возрождения Беларуси, возглавлявшейся и направлявшейся компартией («КП(б)Б во главе национально-культурного строительства!»)» [21, с. 123].

О.А. Яновский, характеризуя деятельность Н.Н. Никольского, отразил тенденцию отношения власти к интеллигенции: «один из тех, от кого зависела «научная выверенность» взятого пролетарской революцией курса, но кто был представителем интеллигенции, тем более «старой», и должен был находиться под пристальным вниманием соответствующих карательных органов советской власти» [27, с. 171]. Данная проблематика затрагивалась в исследованиях В.И. Адамушко [1], Б.В. Боровского [4], А.Ф. Мясникова [18], Р.П. Платонова [21; 22], Т.С. Протько [23] и др. В 1998 г. была проведена международная научно-практическая конференция, осветившая проблемы политических репрессий, уничтожения интеллигенции [19]. В 2007 г. вышел в свет сборник научных статей по данной тематике [24].

В рамках взаимодействия советской власти и профессорско-преподавательской интеллигенции Г.А. Петаченко определил, что средствами способствующими формированию «нового советского педагога и ученого» являются репрессии и создание новых и ликвидация старых профессиональных объединений - Секции научных работников (СНР) [20, с. 11]. Корреляция социального состава студенчества посредством чисток исследовалась А.А. Гужаловским: раскрывался механизм чисток и классовый подход к студентам на примере БГУ [11]. В.Т. Леоновец констатировал, что структурные чистки от «классово чуждых элементов» были отличительной чертой данного периода [15, с. 6]. Тенденцию чисток, сталинских репрессий, в результате которых наблюдался процесс стагнации деятельности аспирантуры в 1934 г., отмечал исследователь В.Г. Корзенко [13, с. 304].

Исследование духовной и физической трагедии научной интеллигенции Академии наук БССР в период сталинских репрессий было осуществлено Н.В. Токаревым [9]. Трагедия научной интеллигенции непосредственно влияла на формирование интеллигенции, создавая закрепление культурной травмы. Автор показал сложные биографии ученых: обстоятельства ареста, предъявленные обвинения, дальнейшую судьбу; охарактеризовал научную деятельность, оценил вклад в развитие соответствующих отраслей науки. Исследование отражает посредством представленных биографий рефлексивные практики, личные практики преодоления травмы. В 2008 г. коллектив авторов (Н.В. Василевская, Г.В. Корзенко, В.В. Ляховский, Н.В. Токарев) опубликовал совместную работу Национального архива Республики Беларусь и НАН Беларуси [7]. В издании собраны постановления Бюро ЦК КПБ об Академии наук БССР (1928–1991). Представленные материалы отражают основные направления государственной политики в процессе формирования общественных приоритетов. Материалы 1920–1930-х гг. размещены в первом разделе и содержат списки кандидатов в члены-корреспонденты, их краткую характеристику, список учреждений Академии наук, документы, отражающие репрессии в среде научной интеллигенции (Д.Ф. Жилуновича,

В.М. Игнатовского, список академиков с указанием компрометирующих материалов на них и др.).

Институт истории НАН Беларуси в 2010 г. издал работу, составителем которой были ученые В.В. Скалабан, Н.В. Токарев, о деятельности в контексте времени академика В.М. Игнатовского [3]. Основу сборника составили документы из архивов г. Минска, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Тарту. Показана деятельность В.М. Игнатовского на постах наркома просвещения БССР, председателя Института белорусской культуры, президента Академии наук, члена Бюро ЦК Компартии Беларуси. Анализ деятельности выдающегося интеллигента позволил осветить многие вопросы национально-культурного строительства и организации науки в республике в 1920-е – начале 1930-х гг., формирования интеллигенции в научной сфере. На его примере показана репрессивная политика не только в отношении личности интеллигента, ученого, но и его идей.

Т.И. Баталко отметила, что «создание национальных систем народного образования с духом подлинного педагогического демократизма и складывание административно-командной системы привело к кризису культурной преемственности» [5, с. 5]. Процессуально для осуществления чисток среди интеллигенции фабриковались политические дела, что было отмечено исследователями В.И. Адамушко, Т.С. Протько и др. «Из 826 человек, которые проходили по списку участников белорусского национального движения 1917–1924 гг., были репрессированы все, кто остался проживать на территории СССР» [1, с. 42], отметил В.И. Адамушко. В работе В.И. Адамушко можно выявить волны политических репрессий, что подтверждала исследователь Н. Василевская, анализируя массовые репрессии интеллигенции [8].

Исследовательница Т.С. Протько на основе архивных документов показала, что в «1936–1937 гг. была осуществлена масштабная операция по выявлению и искоренению инакомыслия среди писателей, журналистов, преподавательского состава и студенчества гуманитарных факультетов республики» [23, с. 131]. Автор осветила ход «чисток, и роль секретного политического, особого отделов» [23, с. 131]. Были проанализированы процессы организации государственного надзора, политика управления льготами, национальная политика в сфере образования в том числе, огосударствление научных и творческих союзов и организаций.

Исследовательский интерес немецкого ученого Р. Линднера был направлен на изучение восточного региона, и в частности – Беларуси. В работе «Историки и власть: нациотворческий процесс и историческая политика в Беларуси в XIX-XX вв.» были проанализированы проблемы гуманитарной интеллигенции в 1920–1930-е гг., белорусских историков, их взаимоотношение с властью – «историческая политика в Беларуси», процесс формирования интеллигенции [16]. Автор занимался анализом биографий видных историков в Беларуси, опираясь на методы социальной истории. Данные биографии позволили ему увидеть не столько образовательные компетенции, сколько личностный резерв, полученный в процессе становления. «Историки, которые в 1930-х гг. вырабатывали официальное историческое видение Советского Союза, почти без исключения получили образование в царской империи. Это было поколение родившихся между 1880 и 1900 гг., которое если не стало жертвой репрессий, умерло только со

Сталиным» [17]. Согласно П. Штомпка, новое конструирование коллективной идентичности впоследствии оказалось «эмпирически наиболее заметным проявлением культурной травмы» [26, с. 11]. Р. Линднер отмечал: «тем более удивительно, что это расколотое поколение, которое не обладало никаким потенциалом группового консенсуса и утопало в непристойных взаимоуколах и обвинениях, сумело породить трактовку истории, что так влияла на массы» [17].

Политические репрессии как метод формирования новой интеллигенции привели к кардинальным переменам в кадровом составе образовательных учреждений и инициировали появление культурной травмы. Однако П. Штомпка констатировал, что «вопреки вызванным ею [травмой] разрушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы» [26, с. 16].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адамушка, У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі / У.І. Адамушка. – Мінск: Беларусь, 1994. – 158 с.
2. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6–40.
3. Академик В.М. Игнатовский: Документы и материалы / сост. В.В. Скалабан, Н.В. Токарев. – Минск: Белорусская наука, 2010. – 277 с.
4. Бароўскі, Б.В. 3 гісторыі палітычных рэпрэсій 1920–50-х гг. на Беларусі / Б. Бароўскі. – Маладзечна: Друкарня «Перамога», 2010. – 239 с.
5. Баталко, Т.И. Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации. 1921–1930 гг. (Общественно-политический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Т.И. Баталко. – Минск, 1993. – 23 с.
6. Богдан, С. БССР и белорусский национализм. О роли советской национальной политики и политики в отношении БССР в политическом развитии независимой Беларуси / С. Богдан // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Вильня: ЕГУ, 2009. – №1–2. – С. 101–134.
7. Василевская, Н.В. Национальная академия наук Беларуси. 1928–2008 гг.: документы и материалы / сост. Г.В. Корзенко, В.В. Ляховский, Н.В. Токарев. – Минск: Белорусская наука, 2008. – 767 с.
8. Васілеўская, Н.У. Масавыя рэпрэсіі інтэлігенцыі / Н.У. Васілеўская // Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі: мат. навук.-практ. канф. (Мінск, 27-28 лютага 1998 г.). – Мінск, 1998. – 278 с.
9. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / Сост. и авт. предисл. Н.В. Токарев. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.
10. Волков, С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе / С.В. Волков. – М., 1999. – 250 с.
11. Гужалоўскі, А.А. Новыя дакументы пра палітычную чыстку студэнтаў БДУ ў 1929–1930 навуч. годзе / А.А. Гужалоўскі // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Вып. 11. – 2016. – С. 5–20.
12. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. ЦК ВКП(б). – М.: Правда, 1938. – 352 с.
13. Корзенко, Г.В. Особенности становления научной элиты белорусского общества (20–30-е гг. XX в.) // Гістарычная памяць народаў ВКЛ і Беларусі. XIII–XX стст. : мат. міжнар. навук. канф., Гродна, 3–5 ліп. 1996 г. – Гродна, 1996. – С. 303–307. (Наш радавод; кн. 7).
14. Кохановский, А.Г. Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX – нач. XX вв. / А.Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] – Мінск: БДУ, 2007. – С. 3–20.
15. Леанавец, В.Ц. Новыя тэндэнцыі ў падрыхтоўцы навуковых кадраў Беларусі ў 1920–30-я гг. // Веснік ГрДУ. – 2001. – №1. – С. 5–12.

16. Ліндэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працес і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав.рэд. Г. Сагановіча. Выд. 2. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.
17. Ліндэр, Р. Беларускія гісторыкі пад Сталіным (1870–1945) / Р. Ліндэр. [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.belhistory.eu/rajner-lindner-belaruskiya-gistoryki-pad-stalinym-1870%E2%80%931945/>. – Дата доступа: 21.04.2018.
18. Мяснікоў, А.Ф. Нацдэмы: Лес і трагедыя Ф. Шантыра, У. Ігнатоўскага і Я. Лесіка. – Мінск: Беларусь, 1993. – 110 с.
19. Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27–28 лютага 1998 г.) / Склад. і навук. рэд.: Н.І. Стужынская. – Мінск, 1998. – 278 с.
20. Петаченко, Г.А. Пролетаризация советской школы (1918–1929 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Г.А. Петаченко. – Минск, 2013. – 24 с.
21. Платонаў, Р.П. Беларусізацыя 1920-х гадоў: асаблівасці і праблемы ажыццяўлення // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1. / Рэд. кал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелНДДАС, 2000 – 266 с.
22. Платонаў, Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэалагавалітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гг. – Мінск.: БелНДДАС, 1996 г. – 383 с.
23. Протыко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941) / Т. С. Протыко. – Минск.: Тесей, 2002. – 686 с.
24. Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ / Сост. И. Кузнецов, Я. Басин. – Вып. 1. – Минск, 2007. – 376 с.; – Вып. 2. Минск, 2007. – 377 с.; – Вып. 3. – Минск, 2007. – 373 с.
25. Хлевнюк, Д. Бернад Гизен. Триумф и травма / Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 112–117.
26. Штомпка, П. Социальное изменение как травма (статья первая) / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
27. Яноўскі, А.А. І прафесар, і кіраўнік: некаторыя радкі з біяграфіі М.М. Нікольскага / А.А. Яноўскі // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 3. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 166–174.

Маслоўскі Яўген Валер’евіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ДЫНАМІКА КОЛЬКАСЦІ І СКЛАДУ ФАБРЫЧНА-ЗАВОДСКІХ РАБОЧЫХ У БЕЛАРУСІ Ў 1907–1914 ГГ.

Пошук крыніц дзяржаваўтваральных працэсаў у Беларусі ў 1914–1921 гг. павінен абапірацца на аналіз становішча прамысловага пралетарыяту беларускіх губерняў (Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай) у пачатку XX ст. Менавіта гэта частка беларускага грамадства з’яўлялася адным з каталізатарам карэнных зменаў у беларускім грамадстве. Вывучэнне полаўзроставага складу рабочых дазваляе вызначыць воблік тагачаснага прамысловага пралетарыя Беларусі.

У 1907–1914 гг. працягваўся працэс фарміравання прамысловага пралетарыяту Беларусі, які быў непарыўна звязаны з развіццём капіталізму ў прамысловасці. Развіццё капіталізму паскорылася пасля сялянскай рэформы 1861 г., згодна з якой сяляне атрымалі права самастойна распараджацца сваёй рабочай сілай, і найм стаў асноўнай формай адносінаў.

Пралетарыят фарміраваўся з сялян, рамеснікаў, уладальнікаў дробных прадпрыемстваў і дробных гандляроў, якія не вытрымлівалі канкурэнцыі з буйнымі прамысловымі ўстановамі, разараліся і папаўнялі рады пралетарыяту [3, с. 37–40].

З развіццём фабрычнай вытворчасці значная частка сялян, якія раней займаліся саматужнай вытворчасцю, разараліся. Менавіта яны